

УДК 101.1

Голоса и цифры: духовные аспекты IT-гуманитаристики

Колесников С.А.,

д. ф. н., доцент,

профессор Белгородского юридического института МВД России,

Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

ORCID: 0009-0000-3829-6167

skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается ситуация присутствия виртуальных голосов в современной реальности. Голоса виртуальных помощников моделируют новые отношения между голосом и лицом, при этом приоритетными являются анонимность и деперсонализация. Свойственные виртуальным ассистентам закрытость лица от голоса, оторванность голоса от лицевого «сопровождения», принципиальная возможность существования голоса без лица — все это придает голосу как антрополого-культурному феномену современности принципиально новые параметры. Цифровая «логика» предполагает уход от человеческого логоса, что можно отчетливо увидеть на примере проблемы «гендера» искусственных ассистентов. Особое внимание уделено проблеме соотносительности голоса и искусственного интеллекта. Искусственный интеллект как организационная форма познания обретает голос, срастается с голосом, становится голосом. Вселенский масштаб претензий виртуальных голосов требует теологического осмысления, ведь религиозный опыт «работы» с голосами, представленный в широком спектре мировых религий, способен предложить уникальное истолкование роли голоса в современности. Интернет-голоса могут быть призваны в литургический простор, где им будет предложено зазвучать в новых регистрах и тональностях. Цифровая религия предстает в качестве новой литургической реальности, нового общего дела. Показательно, что вне-духовная техногенная среда может предложить лишь пустоту — пустоту цифровой дегуманизации. Цифро-гуманитарное единство может быть выстроено на принятии духовного фундамента, на основании заключения «пакта» о сотрудничестве между духовным опытом человечества и киберинформационными перспективами.

Ключевые слова: виртуальные голоса, цифровые помощники, информационное и гуманитарное сотрудничество, виртуальность и духовность.

Родословная искусственных голосов

Современная фонономастика в IT-сфере демонстрирует уникальную ситуацию, связанную с глубинным и парадоксальным преобразованием истолкования имени и голосовой модели его произношения. Перенасыщенность (пресыщенность?) инфополя количеством виртуальных имен — Siri, Cortana, Ivona, Alexa, Алиса, Маруся... — свидетельствует о возникновении кардинально нового вектора в «философии имени»,

о новой гуманитарно-гносеологической стратегии, изменяющей «алгоритм» проявления имени в голосовом оформлении. Например, можно вспомнить, что А.Ф. Лосев предлагал увидеть в имени глубинную сущность, последовательно раскрывающуюся от ноэмы через послышное прохождение символического уровня семемы — к фонеме как «звуку, издаваемому голосом человека» [Лосев, 2007: 47], тем самым определяя именную проявленность «в порядке, восходящем от абсолютной тьмы “ничто” к свету смысла» [Лосев, 2007: 147]. Однако процедура выхода виртуального имени на месседж-аудиальную авансцену принципиально иная: имена облачно-персональных помощников (-ниц) изначально оказываются голосовыми презентациями, за которыми не существует логосной полноты, не существует даже самих лиц, с которыми были бы соотнесены такие голоса. Все постпопытки IT-маркетинга раскрыть-прикрепить к голосу цифровых ассистентов конкретное лицо (к Siri — С. Беннетт; к Кортане — Дж. Тейлор; к Алисе — Т. Шитову, к Марусе — Е. Соловьеву...) только обостряют понимание разрыва между виртуальным голосом и его ноэматической наполненностью.

Голосовые помощники моделируют совершенно новую парадигму соотнесения голоса и лица, при этом символична обезличенность виртуальных помощников, де-(монстрирующих) только голосовую версию имени. За цифровым голосом отсутствует лицо, в то время как именно появление-проявление лица — буквально в момент человеческого вхождения в мир: голос новорожденного сориентирован на окружающие глаза; голос изначально желает быть увиденным! — предопределяет появление голоса. Цифровые ассистенты, напротив, являют и разворачивают своеобразное контррождение, антигенеологию голоса, где голос получает возможность существования без живого лица.

Звуко-голосовая персональность, этимологически связанная со звучанием (*resonare* — «для звука»), задаваемая звучанием, являющая неразрывную связь между лицом и голосом (см. еще у Цицерона: «...и лицо и голос, подобно струнам лиры, звучат соответственно тронувшему их душевному движению. Ибо человеческие голоса настроены, как струны, отзывающиеся на каждое прикосновение» («Об ораторе», III, 57–216)), — в виртуальном модусе представлена в ином, даже противоположном варианте: персона, традиционно презентующая себя миру через голос, получает приоритетно анонимные характеристики, лишаема сущностных лично-лицевых признаков. Голос, традиционно связываемый с рождением, сегодня оказывается частью пиар-кампании; с виртуальным голосом связывается не рождение, а маркетинговый промоушен. Когда в Yandex SpeechKit возникло восемь новых голосов с разными амплуа, то их появление — рождение! — стало возможным без использования реальных дикторов. Происходит своеобразное «расчеловечивание» голоса — и это важная гуманитарная проблема современности, требующая внимательного рассмотрения.

Генеалогия искусственных голосов-имен показательна и символична. Кортана говорит голосом клонированного мозга доктора Хэлси из игры Halo (и, в свою очередь, отсылает к образу Нефертити); Ivona воспроизводит сюжет фильма «2001: Космическая одиссея»; Alexa ассоциируется с сожженной Александрийской библиотекой — практически все известные голоса виртуальных помощников проговаривают иновременные, будь то ушедшее прошлое или далекое будущее, ситуации, разрывая привычную связь голоса с *hic et nunc*. Цифровая виртуальность отдает свой голос не-настоящему, снимает духовную

ответственность с настоящего, традиционно призываемого к голосовому ответу в данном фрагменте времени: «...когда придет и постучит» (Лк. 12: 36).

Цифровая «логика» предполагает уход от человеческой логосности, что можно отчетливо увидеть на примере «гендерности» искусственных ассистентов. Так, «женская» платформа для синтеза речи Amazon Polly предлагает через голоса появиться вне-гендерным помощникам (показательно, что для русской версии имеются и Максим, и Татьяна). Использование женского голоса Рита (РИ-65Б) в авиации обусловлено практически отсутствием женщин в летных экипажах и, тем самым, привлекает внимание летчиков лучше. Кроме того, тембр женского голоса четче и не вызывает у пилотов восприятия голоса как команды, не подавляет самостоятельности. Здесь действует и подсознательный фактор, ведь голос виртуальной женщины ассоциируется с матерью, становится своеобразной «внутренней мамой»...

И это только малый спектр особенностей «гендерности» искусственных голосов.

Уникальность отношений (взаимоотношений?) между голосом и искусственным интеллектом (ИИ) открывается уже на первоначальной стадии определения понятия ИИ. Дж.Ф. Люгер дает следующее определение: «ИИ — это дисциплина, исследующая закономерности, лежащие в основе разумного поведения, путем построения и изучения артефактов, предопределяющих эти закономерности» [Люгер, 2003: 781]. Ключевым словом здесь выступает «дисциплина» как базовая форма организации познания. Но отношения ИИ с голосом открывают новые грани в определении ИИ. Впервые «дисциплина» получает голос, «рождается» в мир, выкрикивая себя через голосовую презентацию. Мы присутствуем при самобытном (буквально: самостоятельное бытие ИИ) событии: научная дисциплина как организационная форма познания обретает голос, срастается с голосом, становится голосом.

Пронизанность ИИ голосом открывается на самых глубинных, принципиально дисциплинарных уровнях. Когда А. Ньюэлл и Г. Саймон выстраивали «первооснования» ИИ, то в качестве исходных данных выступали протоколы «мыслей вслух» (think-aloud protocols), запротоколированные голоса. И опять мы обнаруживаем ранее неизвестную — невозможную! — ситуацию, презентованную в «пренатологии» ИИ: если традиционно носитель голоса рождался всегда ранее голоса, то в случае ИИ голос появляется прежде того, кому этот голос будет принадлежать. Голос, по существу, оказывается «родителем» ИИ — только ИИ впервые с полным правом может заявить: в моем начале было слово.

Причем отличительной чертой «словесности» ИИ является своеобразная переплетенность алгоритмических «голосов», из которых и сплетается способ присутствия ИИ. Показательно, что переплетенность, которую характеризовал Ж. Деррида в работе «Голос и феномен», этимологически включает сетевые смыслы: «Переплетенность (*Verwebung*. — С.К.) языка, чисто лингвистического в языке с другими нитями опыта составляет одну материю» [Деррида, 1999: 144]. В голосах виртуальных помощников как раз и переплетаются лингвистические и «иные» (подробнее об ином скажем ниже) формы опыта. Текстура киберголосов в полной мере способна «связывать геологическую метафору с собственно текстуальной метафорой» [Деррида, 1999: 145], соединяя тектоническое воздействие виртуального голоса на общество с аудиотекстуальной подачей.

В виртуальных голосах, которыми звучит ИИ, представлен новый опыт полифоничности, проявляющейся в синтезе организма и текста, данных и кода, — в целом лингво-духовного и электронно-материального. Симфония цифровых голосов требует новой

аудитории, требует новых масштабов восприятия, требует нового имени для самого ИИ. Ранее вопрос о внутренней разделенности ИИ выступал ключевым: «Проблема определения искусственного интеллекта сводится к проблеме определения интеллекта вообще: является ли он чем-то единым, или же этот термин объединяет набор разрозненных способностей?» [Люгер, 2003: 27]. Однако голосовое воплощение ИИ открывает возможность уйти-перейти к новому уровню вопрошания; голос выводит к преобразению разделенности в симфоничность, в которой присутствует полигласие.

Голос в своей полифоничности переходит на сторону ИИ, как, например, в знаменитом тесте Тьюринга, лишая возможности опрашиваемого быть предвзятым в пользу живых. ИИ, соединенный с голосом, — это уже не бесконечная молчаливая лента машины Тьюринга, не плоскостное интеллектуальное перемещение от одной маркированной ячейки к другой, а стереоскопическое звучание, цифровая оратория, стремящаяся к заполнению мира цифровым гласом. Голос, в основании которого лежит цифра, становится прозреваемым и многомерным, формирует контуры нового виртуального мира, преобразует взаимоотношения имени и голоса, взаимоотношения рода и элементов, а самое главное — передает право ИИ на слово.

Теология технологических голосов

Вселенский масштаб претензий виртуальных голосов на всеприсутствие требует адекватного и, в первую очередь, теологического — в силу грандиозности изменений — осмысления. Религиозный опыт «работы» с голосами, представленный в широком спектре мировых религий — от античных орфических голосов до разверзающего небеса библейского гласа, — способен предложить уникальное истолкование роли голоса в современности. Присутствие сверхбытийно-иног в голосе — в том числе и в голосе виртуальном — обуславливает применение теологического ракурса рассмотрения.

Религиозная тематика, актуальная для интернет-пространства, позволяет увидеть новые грани той роли, которую виртуальность начинает играть в гуманитарной современности. Интернет — как и любой локус мира — может быть введен в ту или иную степень сакральности, что и подтверждает, как иллюстрация, намерение установить священного покровителя интернета.

Показателен список имен потенциальных покровителей виртуального мира, формировавшийся в ходе электронного голосования пользователей (не менее показательно само появление сайта www.santibeatit.it, на котором можно голосовать за — или против! — святого): святой Педро Регаладо, демонстрировавший одновременное — в категориях компьютерной топологии «двухточечное» — присутствие в разных местах, как и отличавшаяся еще более развернутой «топологией», point-to-multipoint, святая Текла, появляющаяся в нескольких могилах; святая Рита Каскийская, проходящая, подобно wi-fi, через запертые двери; святой Джованни Боско, первым из католических святых давший интервью газете, даже апостол Филипп с призывом «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас» (Ин. 14:8) и архангел Гавриил с сакрально-информационной миссией к пророкам Даниилу, Захарии, Божьей Матери...

Сверхматериальная пространственность, особый тип информационно-сакрального контента, соприсутствие с чудесным, преобразенный техноцизм — все эти качества,

представленные у разных кандидатов, нашли свое синтезийное воплощение в Исидоре Севильском, который и был санкционирован Ватиканом на роль покровителя интернета.

Символично, что Исидор Севильский являлся одним из первых христианских философов, размышлявших о специфике голоса. Его трактат «Синонимы, или Стенания грешной души» (631 г.) представляет собой диалог внутреннего и внешнего голосов, переключку голосовых стенований — это приоритетно голосовой трактат, где голос выступает в качестве главного героя. В своих знаменитых «Этимологиях» Исидор Севильский проводил глубокий анализ голосовых особенностей, определяющих приятность голоса как способ познания совершенства: «Эвфония — это приятность голоса. Так и мелос (мелодия) получил (-а) название от сладости меда (melle)... Совершенным же бывает голос высокий, приятный и ясный. Высокий, чтобы несся в вышину, ясный, чтобы наполнял слух, приятный, чтобы ласкал душу слушателей. Если чего-нибудь из этих условий не хватает, голос не будет совершенным» [Музыкальная эстетика, 1966: 163]. Разворачивая тему голоса, Исидор Севильский дает детальную типологию голосов, своеобразную параметрию голоса, в которую входят «тонкие», «густые», «острые», «твердые», «суровые», «слепые», «кудреватые» голоса [Музыкальная эстетика, 1966: 163–165], отражающие многогранную роль голоса в миропознании.

Конечно, активируя религиозные аспекты виртуального мира, мы неминуемо выходим на вопрос, сформулированный С. Гернером: «Какое отношение Интернет имеет к вере, основанной на жизни, смерти и воскресении палестинского еврея первого века» [Digital Religion, 2013: 251]. И все же представляется, что в принципиальной соотнесенности цифровой среды и религиозных воззрений могут заключаться важные смыслы современной гуманитаристики. Религиозный опыт, укорененный тысячелетиями, не может исчезнуть в электронных облаках или информационных озерах, этот опыт имплицитно присутствует даже в дискуссиях о достоинствах и недостатках языков программирования. Когда Дж.Ф. Люгер, говоря о языках LISP и PROLOG, настаивает на том, что «мы старались удержаться от религиозных прений об их относительных достоинствах» [Люгер, 2003: 12], то тем самым актуализируется религиозная тематика в осмыслении цифрового мира. Языки программирования могут ассоциироваться с различными религиозными направлениями, адепты тех или иных языков могут вступать в «религиозные войны» (показательная цитата — одновременно ироничная и серьезная о языке-голосе: «...не бывает двух одинаковых языков программирования... вопрос выбора — это вопрос веры и ничего больше. Возьми для себя тот язык, который тебе по сердцу, и проживи с ним рука об руку всю свою жизнь. Но будь осторожен: если ты выберешь его неискренно, твой Язык не вознесет тебя к небесам, а столкнет в пропасть» [Выбор языка, URL]); ИИ может восприниматься как «религиозный феномен» [Горюнов, 2021: 9]... — и все это позволяет продуктивно соотнести цифру и религию.

И если такая соотнесенность становится возможной, то тогда возникает вопрос о построении системных отношений между виртуальным и религиозным, ситуация, определяемая Г. Ловинком как «дизайн ежедневных ритуалов сетевого суверенитета» [Ловинк, 2019: 128]. Цифровая ритуальность, вхождение ритуала в интернет-пространство, «онлайн-экзегеза» — таковы возможные перспективы IT-религиоведения и даже IT-теологии.

Интернет-голоса могут быть призваны в литургический простор, где им будет предложено зазвучать в новых регистрах и тональностях. Цифровая религия предстает в качестве новой литургичности, нового общего дела, подобно мосту, «который соединяет и расширяет религиозные практики и пространства в интернете в различных религиозных контекстах. Это слияние новых и устоявшихся представлений о религиозной практике означает, что цифровая религия имеет черты как онлайн-культуры (такие как интерактивность, конвергенция и контент, создаваемый аудиторией), так и традиционной религии (включая образцы верований и ритуалы, связанные с исторически сложившимися сообществами)» [Digital Religion, 2013: 2]. Всепроникаемость виртуального голоса, его новая полифоничность может быть востребована в «киберцеркви» (cyberchurch) [Digital Religion, 2013: 256], которая в условиях техногенной эпохи позволит сохранить религиозные смыслы и надежды.

И новые киберритуалы, где виртуальные голоса — в силу жизненных обстоятельств — могут зазвучать с кибералтаря, вокруг которого способна выстроиться новая цифровая ритуальность: «...очищение кибералтаря, что включает обеспечение чистоты компьютера и прилегающей к нему области, закрывание “окон” компьютера <...> перезагрузку компьютера до начала ритуала, удаление компьютера от предметов, связанных с работой, и размещение его на алтаре» [Digital Religion, 2013: 125]. Не отрицая значимость присутствия на реальной литургии, ее неизбежно сотериологическое призвание, киберритуал может стать неким голосовым эвфемизмом службы в тех случаях, когда физической возможности посетить богослужение нет.

Кроме того, онлайн-пространство предоставляет «большую свободу экспериментировать и развивать свои взгляды на роль интернета в религиозной ритуальной жизни» [Digital Religion, 2013: 31]. Виртуальность позволяет встретить гораздо большее число информационных «голосов», мир Божий способен заговорить в разных информационных тональностях и в разных цифровых смыслах. Просторы — географические и мировоззренческие — распахиваются даже в онлайн-паломничестве: «Онлайн-паломник путешествует по тому же мифическому воображению, которое архитектурно оформлено на месте в реальных паломничествах... Участник не просто смотрит на экран компьютера, чтобы увидеть действие; он входит в пограничное пространство, где манипулирует реальной средой, оставляя материальные доказательства своей ритуальной деятельности» [Digital Religion, 2013: 33–34]. Паломничество как зов на глас Божий нащупывает свой путь с помощью виртуальных голосов, и в этом электронный голос оказывается голосом спасения. «Люди Книги», принимая цифровой голос в свое аудиальное целеполагание, обретают новый опыт, становясь уже людьми Гласа, не только читающими, но и слушающими.

Голосовые технологии, проявляя себя в религиозном формате, начинают формировать новую духовно-социальную реальность. Если «сегодня социальное заявляет о себе в сетевой форме» [Ловинк, 2019: 27], то виртуальный голос, повествующий о религиозных смыслах, задает новые горизонты мировосприятия, задействовав всю мощь информационной среды. Резонанс воздействия религиозных смыслов, пропущенных через многообразие голосовых синтезаторов, способен обрести максимальную амплитуду при условии принятия опыта религиозного звучания голосов, при условии усвоения традиции храмового полигласия. Гласовое мышление, явленное в певческом искусстве христианства, может быть открыто во

всей его полноте и сложности для виртуальных голосов. Конечно, в этом случае предстоит кардинально изменить подход к созданию голосовых помощников, ведь религиозное полигласие, «являясь аскетической дисциплиной, охватывающей всю полноту человеческого существа, древнерусское богослужбное пение представляет собой единый процесс, протекающий одновременно на трех уровнях, соответствующих телу, душе и духу человека» [Мартынов, 2000: 96]. Цифровые голоса, которые окажутся способными зазвучать в гармонии с храмовыми голосами, станут подлинно иными, произведут кардинальное изменение «религиозно-социального формирования технологии» [Кэмпбелл, 2020: 124]. И тогда, возможно, способов «починить будущее» станет больше; тогда возникнет новое технокультурное здоровье, укрепляемое благодатным камертоном цифровых голосов, наполненное благодатным размышлением над такими голосами, — и «когда такое размышление будет сделано, Интернет продвинется дальше, и разработанная теология — по крайней мере, в ее выражении — может устареть» [Digital Religion, 2013: 260], или, возможно, не устареть, а сделать шаг вперед...

Голос и пустота

Но если религиозное преобразование интернет-голосов способно сформировать устойчивую и прочную почву для шага вперед, то внедуховная техносреда может предложить лишь пустоту — пустоту цифровой дегуманизации. Глубинная причина пустоты, *Unterbrechung*, прерывания (Гегель), в которую проваливаются и исчезают виртуальные голоса, состоит в таком понимании человеческого разума, который в категориях внедуховной ИТ-гуманитаристики трактуется как исключительно рациональный и калькулированный. Формулировка цифро-разума выглядит следующим образом: «Если наука, исследующая искусственный интеллект, и внесла какой-то вклад в человеческие знания, то он подтверждает следующее. Разум — это не мистический эфир, пронизывающий людей и ангелов, а, скорее, проявление принципов и законов, которые можно постичь и применить в конструировании интеллектуальных машин» [Люгер, 2003: 782]. Но при внимательном погружении в концептосферу этого определения становится ясно, что речь здесь идет не столько о разуме, сколько о возможностях применения разума.

Разумность как инструментарий конструирования цифровых устройств — это инструментальное следствие, а не сущностные основания разума. Разум может работать и так — принципиально, объективированно и закономерно; однако это еще мало говорит о самом разуме, о том, каким сущностно является разум. Упрощенность в понимании разума, столь востребованная для «конструирования интеллектуальных машин», вытягивает на себя — в софиты цифры — сложность и потаенность разума, выжимая исчисленностью потаенность человеческого бытия. Молчащий муравей простоты становится иллюстрацией цифровой исчисленности разума: «Муравей, рассматриваемый в качестве проявляющей разумное поведение системы, на самом деле очень прост. Кажущаяся сложность его поведения в большей степени отражает сложность среды, в которой он существует. Эта идея, если удастся доказать применимость ее к организмам с более сложным интеллектом, составит сильный аргумент в пользу простоты, а следовательно, постижимости интеллектуальных систем» [Люгер, 2003: 38]. Но существует и иная версия «муравья» —

библейская: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым» (Притч. 6:6) — и здесь уже навязываемой простоте нет места.

Цифра в своей этимологической сути (араб. صفر (ṣifr) «пустой») стремится к упрощающей пустоте; цифра онтологически увязана на ничто, в котором нет места полноценному голосу. То, что связано с цифровым ничто, с μηδέν Демокрита, с обнуленным ничто сущностно исчисляемо: «...δέν появляется не совсем после “одного”, но в одной связке с ним, в то же время не образуя двух или нуля. Это другое “одного”, не являющееся ни ничем его отрицания, ни множественностью его умножения... зависит от “одного”, минимальным образом раскалывая означаемое» [Долар, 2014: 22]. Именно расколотость в пустоту и обрекает голосовое воплощение цифры на исчезновение голоса в бездне исчисленности. Если «δέν — это своего рода онтологический скандал» [Долар, 2014: 24], то и голоса, пытающиеся говорить на языке цифрового ничто, неотвратимо деградируют в крик, а не обретают полноту гласа.

Глобалистская исчисленность толкает голоса к выражению одной-единственной гипермысли — исчисленной, высчитываемой и рассчитываемой. Гипермысль о всепронизывающей цифре становится симуляцией разума, и выговаривать в голосе такую симуляцию означает лишать голос его основополагающих потенциалов. Разум не может быть отнесен к исчисляемым сущностям: «Разум, по всей видимости, представляет собой такую сущность, которую никоим образом невозможно описать посредством каких бы то ни было вычислений» [Пенроуз, 2005: 12], и призвание голоса состоит в напоминании о несовпадении цифры и разума. Голос показывает, что разум, выражаемый словами, — неисчисляем; голос обозначает границу принципиально невычисляемого, и цифровой голос в своем духовном полигласии показывает, как разум вырывается за рамки исчисленности.

Однако внедуховные, радикально калькуляционные версии разума способны породить такой тип искусственного интеллекта, который будет исходить из принципиальной конечности, т. е. исчисленности, мира, рассчитывая полностью заполнить цифровым голосом этот конечный мир. В версии калькулированного разума ничего иного, кроме цифро-голосовой наполненности, мир для такого типа ИИ не представляет.

С другой стороны, хаос виртуальных голосов исчисленного разума призван реконструировать добытийную пустоту, в которой любая установка на истинность становится эфемерной, симуляционной. В определенной степени внедуховная виртуальность моделирует ситуацию известного евангельского вопрошания голосом римского префекта: «Что есть истина?» Электронные голоса, озвучивающие калькулированный разум, ставят все тот же вопрос, облакая его в криптоанархические утопии: «Чья же точка зрения оказывается верной? В каком-то смысле это не важно» [Криптоанархия, 2005: 7]. Истинность перестает быть важной, перестает быть возможной, ведь для тотальной цифры обнуление истинности — всего лишь один из алгоритмических потоков. Тогда, когда разум будет переформатирован в исчисляемую технологию, тогда, по высказыванию А. Эйнштейна, «обязательно наступит день, когда технологии превзойдут живое человеческое общение. И вот тогда мир получит поколение идиотов». «Идиотизм» цифры выражается не в бранном значении, а в возвращении изначального понимания, что ἰδιώτης — это «отдельный человек», точнее, отделенный человек, человек, разделенный с самим собой. Радикальная исчисленность разума ведет к разрывающему идиотизму цифровых голосов, к онтологической болезни разорванного бытия. Исчислено может быть только то, что

разделено, и голоса исчисляемого разума рвут онтологическое единство для того, чтобы облечь его в тотальную цифру.

Но именно голос, возвращая себе духовную наполненность, способен активировать мировоззренческий иммунитет, напомнить о необходимости своеобразной новой аскетики в сфере виртуальной реальности. Понимание важности информационной аскетики постепенно приходит: «в Google объявили, что следующая версия Android вместо того, чтобы демонстрировать все возможности операционной системы и стимулировать использовать свой смартфон чаще и больше, будет обладать свойствами, которые помогут пользоваться им меньше и реже» [Ловинк, 2019: 15]. Поэтапно приходит осознание того, что переполненность цифровыми голосами, увлеченность голосами Siri-сирен таит в себе экзистенциальную опасность, а потому «великие технологии должны делать жизнь лучше, а не отвлекать от нее» [Ловинк, 2019: 16]. Форм защиты от цифро-голосового прессинга становится все больше, например, офлайн-журнал Disconnect предлагает материалы, которые можно читать только тогда, когда отключен ваш Wi-Fi; панель управления Fitbit автоматически отключает уведомления; «YouTube включает в настройках опцию, благодаря которой оно будет напоминать пользователям “сделать паузу” во время просмотра видео» [Ловинк, 2019: 16]... Мы присутствуем при активации процесса снятия в виртуальной среде количественно-информационных перегрузок-перегородок, обнаруживаем своеобразную про-апокалиптическую ситуацию удаления (*ἀλοκάλυψις* — удаление покровов) лишней информации, потенциальное обнаружение информационного молчания как апофатической формы познания.

Виртуальные голоса как сирены-привратники могут быть преодолены через молчание, через информационную аскезу, через очищение самой науки о звуке, о которой говорил еще Э. Юнгер: «Мы ждем не дождемся учения о звуке, бросающего вызов научности, как бросало его гётевское учение о цвете» [Юнгер, 2010: 164]. Виртуальные голоса, преображающие тотальную калькуляцию и рационализм, способны вывести к новой эхологии виртуальной реальности, где преодолевается утрата «я» в киберголосе, где рождается новый формат отношений человеческого и искусственного интеллекта. Грядущее и, видимо, неотвратимое единение человеческого и кибернетического необходимо выстраивать на основе каскадной переключки голосов, учитывая, что электронно-текстуальный результат «строится на основе ряда каскадных и взаимодействующих процессов, которые делают человека и машины частью единой системы» [Portela, URL]. Цифро-гуманитарное единство может быть выстроено на принятии духовного полигласия, на основании заключения «пакта» о сотрудничестве между духовным опытом человечества и киберинформационными перспективами. Если такого согласия не удастся достичь, то проблема взаимной голосовой дисинхронии, не-услышания друг друга, приведет к обмену непониманием, усиленным еще и потенциальной склонностью цифрового мира к исходу от смысла, позволяющим «позаимствовать человеческий язык роботизированным голосам, которые говорят, не имея возможности понять» [Valley, URL]. Непонимание в том случае будет возведено в степень, непонимание станет той единицей коммуникации, которая будет определять отношения между человеческим и цифровым, будет переводить ИТ-гуманитаристику в формат разорванного «идиотизма».

Внутренний, системный опыт взаимодействия уже имеется у цифровых голосов, ведь даже синтез языков программирования высокого уровня и программные модули на

низкоуровневом языке, приближенном к машинному коду, можно рассматривать как опыт цифрового полигласия, переключки высокоуровневых и низкоуровневых голосов, заложенных в сути виртуального мира. Необходимо создание своеобразной «новой экологии» цифрового бытия, дисциплины, рассматривающей специфику голосового присутствия в виртуальности, изучающей возможности построения своеобразной цифро-гуманитарной экзегезы, открывающей возможности для взаимодействия гуманитарного и кибернетического. Конечно, перед такой экзегезой стоят весьма сложные задачи: «Желание экзегезы, возможно, все еще с нами, но черный ящик технологий сопротивляется анатомическим исследованиям. В этом и заключается настоящий кризис герменевтики, который происходит из-за того, что теоретики не знакомы с программированием, а также потому что объект исследования больше недоступен (вспомните о корпоративных алгоритмах, до которых все тяжелее добраться)» [Ловинк, 2019: 293] — однако экология виртуальности должна возникнуть для формирования гармоничных IT-гуманитарных экосистем. Человеческий опыт взаимодействия с цифровым миром уже сейчас стремительно расширяет сферы лингво-голосового соприсутствия: «Когда я применяю это к каскадным человеко-цифровым экосистемам, в которых я пишу, мои переговоры происходят везде, где я взаимодействую с компьютером: на аппаратном обеспечении самого низкого уровня и его электронных импульсах; на машинном языке; на языке ассемблера; в дальнейшем коде операционной системы; на языке и/или разметке пользовательского интерфейса (UI); на устройствах физического интерфейса (мышь, клавиатура и т. д.); и, наконец, на языке (языках) конечного пользователя. Просто используя компьютер в процессе написания, я осуществляю сортировку осадочных языков, которые переключаются с пониманием “переводческих” актов» [Tucker, URL] — и области, где совместно зазвучат человеческие и цифровые голоса, будут только расширяться.

И если исправленному будущему удастся выстроить гармоничные отношения между разными типами голосового миропознания, то тогда сирены непонимания, как некогда после звуко-голосового подвига Одиссея, бросятся в море, обратившись в утесы, или сбросят перья и навсегда утонут...

Литература

1. Выбор языка программирования — вопрос религии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pvsm.ru/yazy-ki-programmirovaniya/31043> (дата обращения: 01.01.2024).
2. Горюнов И.А. Богословский анализ искусственного интеллекта // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2021. № 13–14. С. 9–17.
3. Деррида Ж. Голос и феномен, и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999.
4. Долар М. Атом и пустота — от Демокрита до Лакана // НЛО. 2014. № 6. С. 16–28.
5. Криптоанархия: кибергосударства и пиратские утопии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.

6. Кэмпбелл Х.А. К вопросу о религиозно-социальном формировании технологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 2. Т. 38. С. 124–158.
7. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.
8. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Академический проект, 2007.
9. Люгер Дж.Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. М.: Издательский дом «Вильямс», 2003.
10. Мартынов В.И. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. М.: Прогресс — Традиция, 2000.
11. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения. Хрестоматия. М.: Музыка, 1966.
12. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. — М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.
13. Юнгер Э. Рискующее сердце. СПб.: Владимир Даль, 2010.
14. Digital Religion. Understanding Religious Practic in New Media Worlds. New York; London: Routledge. 2013.
15. Portela M. The Machine in the Text, and the Text in the Machine // Digital Humanities Quarterly. v. 4. N 1. 2010. URL: digitalhumanities.org/dhq/vol/4/1/000087/000087.html. (date of access: 11.01.2024).
16. Tucker A. Machine Co-authorship(s) via Translative Creative Writing // Journal of Creative Writing Studies. vol. 4. Iss. 1. Article. 7. 2019. URL: <https://scholarworks.rit.edu/jcws/vol4/iss1/7> (date of access: 03.01.2024).
17. Valley R. Cultivating the Cyborg Voice: Technology in the Creative Writing Classroom // Journal of Creative Writing Studies. vol. 6. Iss. 2. Article 7. 2021. URL: <https://scholarworks.rit.edu/jcws/vol6/iss2/7> (date of access: 03.01.2024).

References

1. Campbell H.A. *K voprosu o religiozno-social'nom formirovanii tehnologii* [On the question of religious and social formation of technology]. Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2020. N 2. v. 38. P. 124–158. (In Russian.)
2. Derrida J. *Golos i fenomen, i drugie raboty po teorii znaka Gusserlja* [The voice and the phenomenon, and other works on the theory of Husserl's sign]. St. Petersburg: Aleteya, 1999. (In Russian.)
3. Digital Religion. Understanding Religious Practic in New Media Worlds. New York; London: Routledge. 2013.
4. Dolar M. *Atom i pustota — ot Demokrita do Lakana*. [Atom and emptiness — from Democritus to Lacan]. NLO. 2014. N 6. P. 16–28. (In Russian.)
5. Gorjunov I.A. Bogoslovskij analiz iskusstvennogo intellekta [The theological analysis of artificial intelligence]. *Sbornik trudov Jakutskoj duhovnoj seminarii*. 2021. № 13–14. P. 9–17. (In Russian.)

6. Junger E. *Riskujushhee serdce* [The Risky Heart]. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 2010. (In Russian.)
7. Kriptoanarhija: kibergosudarstva i piratskie utopii [Cryptanarchy: Cyberstates and Pirate Utopias]. Ekaterinburg: Ultra. Kultura, 2005. (In Russian.)
8. Losev A.F. *Filosofija imeni* [Philosophy named after]. Moscow: Akademicheskij proekt. 2007. (In Russian.)
9. Lovink G. *Kriticheskaja teorija interneta* [Critical Theory of the Internet]. Moscow: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh». 2019. (In Russian.)
10. Luger J.F. *Iskusstvennyj intellekt: strategii i metody reshenija slozhnyh problem* [Artificial intelligence: strategies and methods for solving complex problems]. Moscow: Izdatelskij dom «Viljame». 2003. (In Russian.)
11. Martynov V.I. *Kultura, ikonosfera i bogoslužebnoe penie Moskovskoj Rusi* [Culture, iconosphere and liturgical singing of Moscow Russia]. Moscow: Progress — Tradicija, 2000. (In Russian.)
12. Muzykalnaja jestetika zapadnoevropejskogo srednevekovja i Vozrozhdenija. Hrestomatija [Musical aesthetics of the Western European Middle Ages and Renaissance. Anthology]. Moscow: Muzyka, 1966. (In Russian.)
13. Penrose R. *Teni razuma: v poiskah nauki o soznanii* [Shadows of the Mind: in search of the Science of consciousness]. Moscow-Izhevsk: Institut kompjuternyh issledovanij, 2005.
14. Portela M. The Machine in the Text, and the Text in the Machine // Digital Humanities Quarterly. v. 4. N 1. 2010. URL: digitalhumanities.org/dhq/vol/4/1/000087/000087.html. (date of access: 11.01.2024).
15. Tucker A. Machine Co-authorship(s) via Translative Creative Writing // Journal of Creative Writing Studies. vol. 4. Iss. 1. Article. 7. 2019. URL: <https://scholarworks.rit.edu/jcws/vol4/iss1/7> (date of access: 03.01.2024).
16. Valley R. Cultivating the Cyborg Voice: Technology in the Creative Writing Classroom // Journal of Creative Writing Studies. vol. 6. Iss. 2. Article 7. 2021. URL: <https://scholarworks.rit.edu/jcws/vol6/iss2/7> (date of access: 03.01.2024).
17. Vybor jazyka programirovanija — vopros religii [Choosing a programming language is a matter of religion] URL: <https://www.pvsm.ru/yazy-ki-programirovaniya/31043> (date of access: 01.01.2024).

Voices and Numbers: Spiritual aspects of IT Humanities

Kolesnikov S.A.,

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Gorky str., 71, Belgorod, 308024, Russia
ORCID: 0009-0000-3829-6167
skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract: The article examines the situation of the presence of virtual voices in modern reality. The voices of virtual assistants model a new relationship between voice and face, with anonymity and depersonalization being a priority. The closeness of the face from the voice peculiar to virtual assistants, the detachment of the voice from the facial "accompaniment", the fundamental possibility of the existence of a voice without a face — all this gives the voice as an anthropological and cultural phenomenon of modernity fundamentally new parameters. Digital "logic" implies a departure from the human logos, which can be clearly seen in the example of the problem of "gender" of artificial assistants. Special attention is paid to the problem of correlation of voice and artificial intelligence. Artificial intelligence as an organizational form of cognition acquires a voice, merges with a voice, becomes a voice. The universal scale of the claims of virtual voices requires theological reflection, because the religious experience of "working" with voices, represented in a wide range of world religions, is able to offer a unique interpretation of the role of the voice in modern times. Internet voices can be called into the liturgical space, where they will be asked to sound in new registers and keys. Digital religion appears as a new liturgical reality, a new common cause. It is significant that the non-spiritual technogenic environment can only offer emptiness — the emptiness of digital dehumanization. Digital-humanitarian unity can be built on the adoption of a spiritual foundation, based on the conclusion of a "pact" on cooperation between the spiritual experience of mankind and cyber-information perspectives.

Keywords: virtual voices, digital assistants, information and humanitarian cooperation, virtuality and spirituality.